

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ ПОСЛЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (1918-1919 гг.)

И.В. Упоров, *д-р ист. наук, канд. юрид. наук, профессор*
Краснодарский университет МВД России
 (Россия, г. Краснодар)

DOI:10.24412/2500-1000-2023-3-3-73-77

Аннотация. В работе выявляются основные тенденции правовой регламентации советским законодателем института наказания в виде лишения свободы в начальный период после Октябрьской революции 1917 г. Отмечается, что первые акты имели поверхностный характер, что во многом объясняется отсутствием нового уголовного закона. Наибольшее значение в данный период имели Временная инструкция «О лишении свободы, как мере наказания, и о порядке отбывания такового» (1918 г.) и Положение о лагерях принудительных работ (1919 г.). Этот и другие акты в совокупности стали юридической основой для последующих уголовных и исправительно-трудовых кодексов. В данной статье автором использованы его более ранние публикации по данной проблематике.

Ключевые слова: советская власть, наказание, лишение свободы, инструкция, лагерь принудительных работ, НКЮ.

Целенаправленное законодательное регулирование института наказания в виде лишения свободы в новом советском государстве началось только спустя несколько месяцев после 25 октября 1917 г., что вполне объяснимо – в бурном революционном потоке отнюдь не было очевидным сохранение большевиками своей власти. Властью было сочтено возможным заняться этим вопросом с середины 1918 г. Тогда (23 июля) НКЮ принял Временную инструкцию «О лишении свободы, как мере наказания, и о порядке отбывания такового» [1]. В литературе этот документ оценивается по-разному. Большинство авторов полагают, что он закрепил слом старой и установление новой системы мест заключения [2, с. 17]. По мнению М.Г. Деткова, данная Инструкция продолжает сложившуюся в дореволюционный период практику ведомственного регулирования этого вида наказания, и в этой связи значение ее не следует переоценивать; этот автор полагает, что инструкция лишь определила принципиальную линию процесса становления новой системы мест лишения свободы [3, с. 32]. Б.С. Утевский в свое время критиковал Временную инструкцию за «отсутствие какого-либо классово дифференцированного подхода к лишенным свободы», а также за «смазывание элемента уголовной репрессии», по-

скольку устанавливалось вознаграждение лишенных свободы за труд по ставкам профессиональных союзов» [4, с. 81].

Инструкцией объявлялись потерявшими свою силу уставы о содержащихся под стражей и о ссыльных. Места лишения свободы по своему назначению делились на следующие виды:

- 1) общие места заключения (тюрьмы);
- 2) реформатории и земледельческие колонии, как учреждения воспитательно-карательные, в особенности для молодых преступников;
- 3) испытательные заведения для лиц, по отношению к которым имеются основания для послаблений режима или для досрочного освобождения;
- 4) карательно-лечебные заведения для помещения арестантов с заметно выраженными психическими дефектами, дегенератов и т.п.;
- 5) тюремные больницы.

Согласно ст. 21 лишенные свободы, способные к труду, обязательно должны были привлекаться к физическому труду по распределению заведующих местами заключения и принудительными общественными работами. Лишенные свободы должны были постоянно находиться в помещениях, «кроме как на работах или прочих занятиях и прогулках». Отпуск разрешался для лиц, осужденных на срок не

свыше одного года продолжительностью не более двух недель по исключительно семейным обстоятельствам. К нарушающим порядок и дисциплину и нежелающим работать без основательных причин могли применяться «репрессии»: более суровый режим (лишение свиданий, переписки и т. д.); меры изоляции (одиночное заключение, карцер до 14 дней); перевод в специальные тюрьмы (изоляторы) – в исключительных случаях, при частых рецидивах недопустимого поведения. Еще более суровые меры предусматривались за необоснованный отказ от работ. В этом случае на счет осужденного записывались все расходы на него, и он предупреждался, что пока сальдо не окажется в его пользу, он мог быть оставлен в тюрьме, хотя бы и отбыл назначенный судом срок; если и это не помогало, то заключенный переводился на уменьшенный паек, а также мог быть отправлен в изолятор как неисправимый.

Соглашаясь с М.Г. Детковым о «поверхностном и общем подходе» указанной Временной инструкции [3, с. 33], отметим и то обстоятельство, что рассматриваемый документ не содержал, как того можно было ожидать, норм о целях и задачах лишения свободы, принципах его исполнения, правовом положении осужденных. Если бы не наличие в нем советских наименований («Нарковнудел», «местные Советы рабочих и крестьянских депутатов» и др.), то, пожалуй, трудно было бы понять, к какому периоду он относится: до- или послеоктябрьскому, настолько «внеклассово» он был составлен.

Следует заметить, что у разработчиков Временной инструкции не было опоры на исходно-необходимый для этого уголовный закон. Однако для практических работников на местах в условиях слома старого государственного аппарата настоятельно требовались разъяснения: какие условия содержания создавать для лишенных свободы, как к ним относиться и т. д. Нам представляется, что Временная инструкция как раз и издавалась как своего рода ориентир, которого нужно было придерживаться; «временность» ее определялась до выработки соответствующих исходных основополагающих правовых установлений. Обращает на себя внимание

вольность, с которой авторы документа, ничтоже сумняшеся, закрепляют в нем возможность неопределенного продления срока наказания не за преступления, а лишь за нарушение порядка отбывания наказания.

В качестве дополнения к Временной инструкции можно рассматривать Постановление НКЮ от 25 ноября 1918 г. «О досрочном освобождении» [5], где регулируется процедура подготовки решения о досрочном освобождении. И этот документ по тем же причинам весьма поверхностен, поскольку в нем не указываются ни основания, ни принципы такого освобождения. Кроме того, Центральный карательный отдел (ЦКО) НКЮ, продолжая практику имперского Главного тюремного управления, издавал большое количество циркуляров, касающихся различных сторон реализации наказания в виде лишения свободы. В ряде этих и других документов предписывается не спешить разрушать существующие тюремные структуры. В частности, в одной из телеграмм ЦКО в адрес Екатеринбургского губкома указывается, что тюремные инспекции подлежат «безусловному оставлению ... целях сохранения правильной постановки тюремного ведения» [6, л. 47] (вместе с тем в другом циркуляре говорилось о том, что тюремные инспекции упраздняются с передачей соответствующих функций к «особым органам местных комиссариатов юстиции», что свидетельствовало об отсутствии на тот момент сформированной позиции по вопросам исполнения лишения свободы).

В целом же структура центрального тюремного ведомства состояла из канцелярии, пенитенциарного отдела (на него возлагались задачи «распорядительные, о порядке содержания под стражей по работам заключенных», финансового отдела и хозяйственного отдела. Циркуляром Главного управления местами заключения (ГУМЗ) от 27 марта 1918 г. указывалось, что «заведывание местной тюремной частью», а также распоряжением соответствующих кредитов возлагается на местные советы [7, л. 7]. В литературе отмечается, что формирование системы управления местами лишения свободы осуществлялось с большими трудностями, включая

конфликтные ситуации между ГУМЗом и управленческими структурами на местах по различным вопросам, в том числе соотношения полномочий, выделения средств и др. [3, с. 49]. О некоторой упорядоченности управленческих структур можно говорить лишь с принятием НКЮ Положения об отделах юстиции Губернских исполнительных комитетов, где предусматривалось создание карательных подразделов.

По состоянию на 1 сентября 1917 года в России функционировало 719 тюрем. Помимо этого существовали 495 этапов и полуэтапов, 704 арестных дома, 20 военных тюрем и дисциплинарных частей, 23 крепости, 23 гаупвахты, 7 тюрем морского ведомства, 20 монастырских тюрем, 61 учреждение для несовершеннолетних, а также множество (более тысячи) арестных помещений при полиции [8, л. 15-18]. Однако, выполняя лозунг о полном сломе царской тюремной системы, в стране «демонстративно» были разрушены около 400 зданий тюрем, преимущественно уездных (видимо, по аналогии с разрушением церквей), а многие были приспособлены для различных хозяйственных нужд. Одновременно в связи с усилением «борьбы с контрреволюцией», предусмотренным известным постановлением СНК от 5 сентября 1918 г. «О красном терроре», пошло в рост число «классовых врагов», которых указанным постановлением предписывалось «изолировать в концентрационных лагерях». Стала остро ощущаться нехватка мест заключения.

В такой ситуации издаются постановления ВЦИК от 15 апреля и 17 мая 1919 г. «О лагерях принудительных работ» [9, с. 45-47], которыми было утверждено и затем изменено соответствующее Положение о лагерях. О необходимости такого рода лагерей еще в середине 1918 г. заявлял Троцкий, правда, тогда речь шла о временном изолировании некоторых категорий лиц. В частности, речь шла о том, чтобы «темных агитаторов, контрреволюционных офицеров, саботажников, спекулянтов, а также восставших чехословаков» заключать в лагеря [10, с. 216]. Несколько позже Ленин также предписывает «сомнительных» изолировать в концентрационном лагере. Такие лагеря создавались в

связи с острой политической борьбой, и не являлись местами отбывания определенного судом наказания в виде лишения свободы. Они использовались и в последующее время наряду с лагерями принудительных работ.

В середине 1919 г. в соответствии с решением Совета обороны в концлагеря должны были направляться иностранные подданные, проживающие на территории РСФСР, которые ведут враждебные и военные действия против советской власти, а также военнопленные. Такого рода концлагеря стали упраздняться в начале 1920-х гг. В частности, своим решением от 26 декабря 1922 г. президиум Кубано-Черноморского исполкома принял решение ликвидировать Краснодарский и Армавирский концлагеря [11].

А вот лагеря принудительных работ представляли уже пенитенциарные учреждения. В этих учреждениях, организация которых возлагалась на ВЧК с последующей передачей в ведение НКВД, содержались лица, относительно которых состоялись решения чрезвычайных комиссий, революционных трибуналов, народных судов и других советских органов (исключение составляли лица, подлежащие по постановлениям ВЧК заключению в особые лагеря на все время гражданской войны, а также лица, страдающие хроническими болезнями и «органическими» недостатками, делающими их совершенно неспособными к труду) на основании соответствующих полномочий. Организация лагерей принудительных работ, согласно Положению возлагалась на губернские Чрезвычайные комиссии, при этом указывалось, что лагеря могли быть устраиваемы как в черте города, так и в находящих-ся вблизи от него поместьях, монастырях, усадьбах и т.д. Предписывалось, что в каждом губернском городе должен быть по меньшей мере один лагерь, рассчитанный не менее чем на 300 человек. Общее управление всеми лагерями принудительных работ осуществлял НКВД. При этом следует заметить, что Положение предусматривало довольно подробный перечень задач, которые должен был выполнять соответствующий Отдел НКВД, на который непосредственное ведение лагерями.

В числе этих задач были:

- 1) выработка положений, инструкций, правил по организации и управлению лагерями;
- 2) представление периодических докладов, отчетов о деятельности лагерей;
- 3) выработка и представление смет по содержанию лагерей, определение штатов администрации лагерей;
- 4) утверждение заведующих лагерями из кандидатов, представленных местными исполкомами;
- 5) общий контроль за лагерями в хозяйственном, финансовом и административном отношении;
- 6) ревизия лагерей;
- 7) открытие лагерей в уездных городах;
- 8) перевод заключенных из одного лагеря в другой;
- 9) разрешение устройства мастерских в лагерях.

«Ближайший» надзор за общей деятельностью лагерей возлагался на местный исполком. В лагере постоянно должен был находиться фельдшер. Каждая камера в лагере должна была обеспечиваться всеми предметами, необходимыми для проживания заключенных. В целях предупреждения эпидемий воспрещалось устраивать сплошные нары. Кроме того, не реже чем два раза в месяц обязан был посещать врач для осмотра заключенных и лечения больных. Заключенные поступали в лагерь с копией судебного приговора или постановления, где указывались фамилия, имя и отчество заключенного, название учреждения, по постановлению которого препровожден заключенный, вид преступления, за которое он осужден, время вынесения приговора и срок заключения. На каждого заключенного в лагере заводились карточки, в которые вносились его заработок и вычеты, производимые исходя из принципа самокупаемости лагеря (самокупаемость применялась при полном количестве заключенных), а также налагаемые на заключенных взыскания. По поступлению в лагерь все заключенные немедленно должны были определяться на работы по назначению администрации лагеря. Работа предполагалась физическая. Однако для отдельных лиц с разрешения местных органов управления лагерями до-

пускался умственный труд. Для заключенных устанавливался 8-и часовой рабочий день

Организация сверхурочных и ночных работ должна была соответствовать Кодексу законов о труде. Вознаграждение за труд каждого заключенного должно было производиться по ставкам профессиональных союзов соответствующих местностей. Из заработка заключенных вычитались стоимость его содержания (продовольствие, одежда, расходы по эксплуатации помещений, содержание администрации лагеря, караула). Общая сумма вычетов не могла превышать трех четвертей заработной платы заключенного. Каждому заключенному предоставлялось подавать жалобу о неправильных действиях администрации, для чего в каждом лагере полагалось завести книгу жалоб, причем эта книга должна была храниться у старосты лагеря, избираемого самими заключенными из своей среды. Свидания родственников с заключенными разрешались в праздничные и выходные дни. Заключенным, которые проявляли особое трудолюбие, разрешалось проживать на частных квартирах. Кроме того, им мог быть сокращен срок заключения, причем соответствующим правомочием наделялся Отдел принудительных работ НКВД по представлению отдела местного исполкома.

Нельзя не видеть, что указанные нормы Положения о лагерях принудительных работ не дают оснований говорить о нарушении в этом нормативном акте общепризнанных пенитенциарных норм, сложившихся к тому времени в цивилизованном мире. Да и применительно к сегодняшнему дню нормы, определяющие условия содержания лишенных свободы, выглядят вполне гуманно. Нет и норм, свидетельствующих о классовом принципе. В этом смысле Положение о лагерях развивало соответствующие аспекты в русле рассмотренной выше Временной инструкции 1918 г. Отметим еще два обстоятельства данного Положения о лагерях принудительных работ:

- 1) четкая позиция государства об обязательности труда заключенных и о самокупаемости мест лишения свободы;
- 2) отсутствие норм, регулирующих вос-

питательную работу (они появятся в последующих пенитенциарных актах, на что в дальнейшем будет обращено внимание).

Вместе с тем не следует и переоценивать содержание Положения. Дело в том, что в нем имелись и такие нормы, которые противоречили принципу гуманизма. Например, согласно ст. 37 «за побег в первый раз заключенному увеличивается срок

пребывания в лагере до десятикратного (выделено нами – авт.) размера срока первоначального заключения». За вторичный побег виновные предавались суду Революционного трибунала, который имел право определять наказание вплоть до применения высшей меры наказания. Для предупреждения возможности побега была введена круговая порука.

Библиографический список

1. Временная инструкция «О лишении свободы, как мере наказания, и о порядке отбывания такового» (утверждена НКЮ 23.07.1918 г.) Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1917-1952 гг.). – М., 1953. – С. 30-32.
2. Кузьмин С.И. Политико-правовые основы становления и развития исправительно-трудовых учреждений. – М., 1988.
3. Детков М.Г. Содержание пенитенциарной политики Российского государства и ее реализация в системе исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в период 1917-1930 годов. – М., 1992.
4. Утевский Б.С. Советская исправительно-трудовая политика. – М., 1934.
5. Постановление НКЮ от 25.11.1918 г. «О досрочном освобождении» // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1917-1952 гг.). – М., 1953. – С. 39-40.
6. ГАКК. Ф. 657. Оп. 1. Д.6.
7. ГАРФ. Ф. 7420. Оп.2. Д.197.
8. ГАРФ. Ф. 7420. Оп.2. Д.361.
9. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1917-1952 гг.). – М., 1953. – С. 34.
10. Троцкий Л.Д. Как вооружалась революция. – М., 1923. Т. 1. С. 216, 233 и др.
11. ГАКК. Ф. Р-382. Оп.1. Д.535. Л. 13.
19. СУ РСФСР. 1919. № 12. Ст. 124.

LEGISLATIVE DEVELOPMENT THE INSTITUTE OF PUNISHMENT IN THE FORM OF DISCLAIMER AFTER THE OCTOBER REVOLUTION (1918-1919)

I.V. Uporov, *Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Professor*
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
 (Russia, Krasnodar)

Abstract. *The work reveals the main trends in the legal regulation by the Soviet legislator of the institution of punishment in the form of deprivation of liberty in the initial (four-year) period after the October Revolution. It is noted that the first acts were superficial, which is largely due to the lack of a criminal law. The Provisional Instruction "On deprivation of liberty as a measure of punishment, and on the procedure for serving it" (1918) and the Regulations on forced labor camps (1919) were of the greatest importance in this period. This and other acts together became the legal basis for subsequent criminal and corrective labor codes. Used earlier author's publications.*

Keywords: *Soviet power, punishment, imprisonment, instructions, forced labor camp, NKJ.*